

ИСТОРИЗМ КАК ПРИНЦИП ПРЕПОДАВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

© Т.П.Зайконникова

В статье обсуждается вопрос о значимости исторического подхода к изучению системных и внесистемных явлений современного русского языка. На примере анализа трудных для истолкования морфологических парадоксов автор демонстрирует необходимость глубокого, системного знания истории языка, являющегося основой языковедческой компетентности будущих учителей-русистов.

Ключевые слова: лингвистическая компетенция, историческая грамматика современного русского языка, морфология

Лингвистическая подготовка студентов-филологов представляет собой длительный и весьма сложный процесс, диалектически сочетающий традиции и новации. Понятно, что возможны, а порой и необходимы какие-то изменения в сложившейся системе языковедческих курсов, касающиеся как их содержания, последовательности, так и количества отводимых на те или иные дисциплины часов. Но при всех изменениях незыблемым оставался принцип историзма, в соответствии с которым преподавание современного русского языка, в частности, морфологии, базировалось на хорошем знании студентами исторической грамматики.

Курс исторической грамматики русского языка – один из наиболее сложных и основополагающих в ряду дисциплин лингвистического цикла. Знание фактов истории русского языка и, что еще важнее, представление об основных законах и направлениях его эволюции от древнейшей поры до современного состояния является базой для формирования подлинно научного, диалектического мировоззрения будущего учителя-словесника. Абсолютно недостаточным кажется при этом то количество часов, которое отводится по действующим учебным планам на этот важнейший курс: 18 часов лекций и 18 часов практических занятий. При таком объеме аудиторных занятий и при зачете вместо прежнего экзамена невозможно реализовать те цели и задачи, которые стоят перед курсом истории русского языка, самостоятельно же большую часть тем и даже разделов студенты не усвоят. Необходимо радикально менять явно устаревшее отношение к исторической грамматике как к вспомогательной дисциплине, дающей возможность лишь комментировать факты современного русского языка. Повторим то, что для многих преподавателей-историков и "современников" стало

аксиомой: именно глубокое, научное знание истории языка формирует лингвистическую, в целом филологическую культуру студента, его диалектическое языковое мышление. Недопустимо то, что в результате непродуманного распределения часов в учебных планах разрушается целостная система подготовки квалифицированного учителя-словесника, творчески мыслящего и способного научить думать своих будущих учеников. Для ученых Казанской исторической школы во главе с профессором В.М.Марковым курс исторической грамматики не описательный, не просто констатирующий те или иные факты из истории русского языка, а обязательно исследующий, объясняющий причинно-следственные связи между разнородными явлениями и факторами, как хронологически совмещенными, так и разнесенными во времени. Именно такой подход находит широкое отражение в курсе исторической грамматики, читаемом в стенах ТГГПУ. Курс призван развить у студентов отношение к языку не как к статичному собранию форм, категорий, парадигм склонения и спряжения, а как к живому, весьма динамичному объекту наблюдения и анализа. При этом важно показать, что нет перерыва в эволюции звукового и грамматического строя русского языка, что современное его состояние – результат, продолжение или развитие на новом этапе тех процессов, которые формировали облик языка в более ранние периоды его истории.

Профессор В.М.Марков неоднократно высказывал мысль, которая на первый взгляд кажется парадоксальной: нужно исследовать и преподавать историческую грамматику **современного** русского языка. В этом необычном сочетании названий двух отдельных дисциплин, когда-то даже противопоставлявшихся друг другу как реализация диахронического и синхронического

подходов к изучению языка, заключена очень важная, особенно для ученых Казанской лингвистической школы, идея непрерывного развития грамматического строя русского языка. История это не только замена одних форм другими, например, вытеснение древнерусских форм аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта универсальной эловой формой, хотя и эту замену следует понимать как процесс, имеющий вполне определенные причины, последовательность, целый ряд разнохарактерных импульсов и факторов. Историческая грамматика **современного** русского языка исследует такие процессы, такие изменения, которые мы можем непосредственно наблюдать даже в качестве носителей языка, пытаясь их осмыслить, выявить причинно-следственные связи этих явлений. Вопросы "как правильно сказать", "почему именно такая форма", часто задаваемые в любой аудитории, с полной очевидностью свидетельствуют о динамичности, эволюции тех или иных грамматических категорий, словоизменительных парадигм. Умение слушать и слышать, желание понять и объяснить такие живые подвижки в современном языке могут и должны формироваться у студентов-филологов как показатель уровня их лингвистической компетентности. В процессе изучения морфологии современного русского языка мы стремимся зародить интерес студентов к наблюдению за реальным языком, за живой речью наших современников, дополняя тем самым усвоение понятий о морфологических категориях, грамматических признаках слов, объединенных в части речи.

Специфика, а отсюда и сложность курса морфологии в том, что он представляет собой сводимое, зачастую с большим трудом, в единую систему описание очень разных, порою антагонистических подсистем – частей речи. При этом каждая часть речи – особый грамматический мир со своей сложнейшей историей, со своим неповторимым набором общих и частных грамматических признаков, тесно увязанных с лексическими, словообразовательными, нормативно-стилистическими и синтаксическими характеристиками. Объективная сложность самого материала усугубляется и субъективно разнящимися оценками его исследователями, что естественно порождало и порождает множество дискуссий, противоречащих друг другу грамматических теорий, непримиримость в позициях разных лингвистических школ. Многообразие, противоречивость подходов и оценок одних и тех же морфологических явлений весьма широко, рельефно отражаются как в самой научной литературе, так и в литературе учебной. Наиболее сложная си-

туация складывается в школе, которая получила возможность более свободного, чем некогда, выбора учебных пособий. В казанских школах, например, работают по семи учебным комплексам, не считая двух экспериментальных. И, к сожалению, далеко не всегда выбор того или иного комплекса делается осознанно и последовательно: бывает, что теоретический материал изучается по одному учебнику, а практические задания даются, без необходимой корректировки, по сборнику упражнений, не отражающему соответствующих теоретических установок.

Многообразие мнений, точек зрения, решений – вещь хорошая, но только в том случае, если мы умеем их понять и соотнести друг с другом. Сделать это можно, лишь опираясь на цельную, четкую систему взглядов, выработанную определенной научной школой. На наш взгляд, преподавание курса морфологии необходимо строить на надежной основе единой научной школы. Эклектизм в данном случае просто недопустим, губителен. Казанцы в этом плане оказываются в выигрышном положении, так как за их плечами весьма существенные достижения Казанской лингвистической школы как в ее классическом, бодуэновском, так и в современном варианте.

Воспринять, освоить сложнейший языковой материал может лишь заинтересованный студент. Значит, нужно строить курс так, чтобы он пробуждал интерес к слову и, как следствие, желание внимательнее всмотреться в слово, его форму, понять соотношение разных слов, форм и категорий. Декларации и призывы здесь вряд ли помогут, нужны определенные принципы отбора фактов, их целенаправленной систематизации и осмысления.

Оживить, сделать более динамичным сухой, казалось бы, грамматический материал, в первую очередь, помогает последовательная реализация принципа историзма. Парадоксальности в таком историческом подходе к фактам современного русского языка нет, если понимать историзм так, как трактовал его И.А.Бодуэн де Куртенэ, то есть, прежде всего, как возможность обнаружения причинно-следственных связей между фактами и явлениями, как обнаружение и демонстрацию языковой динамики, тенденций в развитии тех или иных частей речи, категорий, групп или классов слов. "Нет неподвижности в языке... В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся: это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики" [1: 349] – эта мысль Боду-

эна де Куртенэ может и должна стать основой построения, подачи современного морфологического материала. Слово, его грамматическая форма не должны восприниматься лишь как "рафинированная" иллюстрация понятий часть речи, категория, разряд. Показать слово в его реальных связях с другими словами и формами, в реальном тексте, в живых словосочетаниях, где только и обнаруживаются его конкретные грамматические свойства, – работа столько же трудная, сколько и более интересная, более благодарная.

Следование принципу историзма, а значит нацеленность на поиск причинно-следственных связей между разными фактами и явлениями обеспечивают надежную основу при обсуждении множества спорных вопросов, если можно так выразиться, "ежедневного употребления". Можно ли, например, относить к возвратным глаголам такие разные по природе образования, как *обуваться, раскричаться, бояться, думаться* на том основании, что все они имеют элемент -ся. Диалектический подход, знание структурно-семантических обусловленностей развития подобных образований помогают понять природу и современный статус этого "многострадального" -ся, именуемого до сих пор даже частицей (!): это либо словообразующая морфема, представленная рядом оморфем (постфикс возвратности в соотносительных глаголах типа *обувать – обуваться, ссорить – ссориться, торопить – торопиться, крошить – крошиться* и подобных; постфикс, образующий безличные глаголы типа *думаться, работаться, спаться*; элемент конфикса в глаголах типа *раскричаться, доиграться, созвониться*), либо только исторически вычленимый аффикс, уже не имеющий статуса современной словообразующей морфемы (*гордиться, бояться, смеяться*). Знание истории языка, учет диалектического взаимодействия таких сторон языка, как фонетика и морфология, помогает избежать неточностей вроде выделения особого суффикса -чь в образованиях *мочь, печь* и подобных, правильно истолковать соотношение форм прошедшего времени глагола типа *читал, ходил, видел, но нес, мог, сох*, выделяя в структуре первых формообразующий суффикс -л-, а в структуре вторых – не усечение основы, а нулевой формообразующий суффикс, явившийся следствием упрощения групп согласных после падения редуцированных.

Многие явления так называемого внесистемного характера, отмечаемые современными грамматиками в сфере глагола, могут быть объяснены, следовательно, включены в некие регулярные отношения, если преподаватель поможет студентам восстановить "разорванную" на ка-

ком-то этапе развития языка цепь причинно-следственных связей. Почему появляются разноспрягаемые глаголы? Почему одни глаголы имеют полную, а другие неполную или, напротив, избыточную парадигму личных форм? Как правильно – *капает* или *каплет*, *чихает* или *чихет*, *глодает* или *гложет*? Как быть с глаголами, изменяющимися сразу по двум спряжениям: *болеть* (*он болеет, но голова болит*); *блестеть* (*звезды блещут, но слезы на ресницах блестят*)? Как правильно – *я пылесосу* или *я пылесосу?* Как видим, поиск ответов на грамматические вопросы напрямую выводит нас на проблемы культуры речи. Знание исторических тенденций, обусловивших формирование современной глагольной парадигмы, либо поможет найти правильный ответ, либо, что может оказаться важнее, раскроет перед нами саму диалектику развития русского глагола, выявит широчайший спектр разнородных факторов, влиявших на становление той или иной личной парадигмы. Яркий пример такой диалектики – формирование системы личных форм глаголов на -ить, входящих в 4 продуктивный класс и относящихся ко второму спряжению. Хотя бы один раз каждый из нас задумывался, как правильно: *Победю? Побежу? Побежду?* У таких глаголов, как *победить, убедить, запретить, прекратить*, затруднено образование форм 1-го лица ед.ч. настоящего (или простого будущего) времени. Почему? Ответ на этот вопрос в русистике не найден. Нет его и в немногочисленных специальных исследованиях, посвященных проблеме неполноты глагольной парадигмы.

Соответствующие глаголы отмечаются в словарях современного русского литературного языка, их перечни включаются в грамматики и справочные руководства. Однако даже в тех трудах, которые, казалось бы, претендуют на исчерпывающее описание современной нормы, перечни глаголов с затрудненными формами 1-го лица далеко не совпадают, как не совпадает и характер используемых в них ограничительных помет. Так, в Грамматике – 70 и Грамматике – 80 оговариваются глаголы, которые "не употребляются в 1 л.ед. числа", в Грамматическом словаре Зализняка введены две пометы: "1 л. наст. (буд.) затруднено", "1 л. наст.(буд.) нет".

Проблема парадигматической неполноты, проявляющаяся в затрудненности образования и употребления формы 1-го лица ед.числа, – это проблема неустойчивости, а следовательно, и динамики нормы, то есть проблема **историческая**, даже если речь идет о фактах современного русского языка. Глаголы 2-го спряжения характеризуются наличием исторических чередо-

ваний, закрепленность которых постоянно подвергается расшатыванию под воздействием живых процессов аналогического выравнивания форм. Наступает момент, когда носители языка начинают ощущать неудобства от несовпадения реального, живого облика формы с ее историческим прототипом, о чем писал еще в 1895 году И.А.Бодуэн де Куртенэ [1: 328]. Даже беглый обзор свидетельств разновременных грамматических трудов может служить иллюстрацией этой мысли Бодуэна де Куртенэ, применимой и к рассматриваемым глаголам. Так, М.В.Ломоносов ни в "Российской грамматике", ни в "Материалах" к ней никаких ограничений в отношении форм 1-го лица глаголов на -ить не отмечает [2: 702, 736, 741]. А.Х.Востоков в "Русской грамматике" [3, §79] приводит формы без чередований: *бдю, дюдю, мерзю, кудесю, тузю, чудесю* и др. В.И.Чернышев [4] называет формы, приведенные А.Х.Востоковым, "искусственными" и хотя признает их допустимость, что уже весьма показательно, все же считает: "рекомендовать следует формы с чередованием, которые и вообще тверже держатся в обращении" [4: 292]. Авторы-составители более современного экспериментального словаря "Грамматическая правильность русской речи" тоже решительно настаивают на закрепленности, кодифицированности форм с чередованиями [5: 216]. Вместе с тем, хорошо известно достаточное распространение форм без чередований в говорах [6: 109-112]: *воротю, кияптяю, пыхтяю, колотю, постюсь* и под.

Глаголы с финалью -дить, как отмечает И.Э.Еселевич, исследовавшая интересующие нас образования [7], нуждаются в специальном рассмотрении. Необычность их состоит и в том, что и стилистически сниженные (*ерундить, чудить, шкодить*), и книжные образования (*убедить, переубедить, победить*) традиционно относятся к затрудненным по форме 1-го лица ед.ч., и в том, что именно для этих глаголов в истории языка возможен не двух-, а трехчленный ряд форм 1-го лица. Эта особенность сближает их с глаголами на -тить, у которых при образовании формы 1-го лица ед.ч. также возникали чередования на месте сочетания зубного переднеязычного согласного с j, причем либо в восточнославянской, либо в южнославянской огласовке. Важно подчеркнуть, что при всей исходной сближенности судьбы форм 1-го лица ед.ч. настоящего (простого будущего) времени этих глаголов оказались в русском языке разными. Пытаясь понять причины этих различий, мы, возможно, выявим и те факторы, действием которых обусловлены проблемы неполноты личной парадигмы целого ряда русских глаголов.

Современный русский язык представляет оба рефлекса сочетаний *tj в глаголах 2-го спряжения: *крутить – кручу, катить – качу, обратить – обращу, поглотить – поглочу* и подобные. Наличие обоих рефлексов, и русского, и церковнославянского, является определенным следствием достаточно спокойного отношения на протяжении всей истории русского литературного языка к южнославянской огласовке в виде *щ* на месте исходного сочетания *tj, что, в свою очередь, могло быть связано с тем, что тот же рефлекс, но уже вне соотношения восточнославянское/южнославянское, давали в праславянском *stj, *skj, *sk с гласными переднего ряда [7: 169]. Основанием для распределения форм с *ч* и *щ* в современном русском языке является четкая соотносительность по типу согласного в основе форм 1-го лица ед.ч. настоящего (будущего) времени, с одной стороны, и форм одноосновных глаголов несовершенного вида, страдательных причастий прошедшего времени и имен отвлеченного действия с суффиксом *-ние-*, с другой. Сравните: *замечу – замечать, замеченный, замечание; укорочу – укорачивать, укороченный, укорочение*, но: *обращу – обращать, обращенный, обращение; запрещу – запрещать, запрещенный, запрещение*. В приведенных сравнительных примерах важна очевидная морфологическая соотносительность. Показательно, что отмеченная закономерность последовательно прослеживается во всех 27 глаголах, специально оговоренных в книге В.И.Чернышева: "В нескольких глаголах славянское *-щ-* вместо *-ч-* утвердилось так прочно, что русские формы совершенно вытеснены" [4: 307].

Переходя к глаголам с финалью -дить, нельзя не отметить следующую особенность. Южнославянский по происхождению рефлекс на месте *dj, рано понятый как **сочетание** согласных, издавна вызывал определенные произносительные трудности. Условием сохранения этого сочетания на ранних этапах истории русского языка было развитие гласной вставки, широко обозначаемой писцами в древних текстах [8: 159, 164]. Но был известен и другой путь преобразования сочетания *-жд-* на русской почве – редукция, упрощение сочетания. При этом результат упрощения совпадал с русским рефлексом на месте праславянского *dj – в виде *-ж-*. Именно этим, по видимому, объясняется хорошо известное исследователям древних памятников письменности более последовательное в них *-ж-* на месте *dj по сравнению с *-ч-* на месте *tj [7: 171]. Более приемлемым для русских сочетание *-жд-* оказывается лишь к XV-XVII вв., но и в этот период оно осмысливается как примета книжного типа литературного языка, отражая в своем отношении к

-ж- и -жд- оппозицию русизм/славянизм. Статус нейтрального получает вариант -ж- и он-то по мере приближения к современному состоянию литературного языка закрепляется как норма в 1-ом лице ед.ч. глаголов 4-го класса независимо от стилистической характеристики самого глагола. Тенденцию к устранению славянизированного -жд- легко подтвердить. Так, М.В.Ломоносов для глаголов книжного происхождения указывал на -жд- в 1-м л.ед.ч. как на норму, отмечая "вреджу, вредишь; гражду, градишь; гражду, тружду, трудишь; слажду, сладишь" (Российская грамматика, §287). Но у него же в "Материалах к Российской грамматике": *бужу,-дишь; вожду,-водишь; брожду,-дишь; сержду,-дишь; горжду,-дишь* и др. [2: 737]. По наблюдениям С.П.Обнорского, большинство из глаголов, приведенных Ломоносовым в формах на -жду, "уже к пушкинской поре звучали в русской огласовке с -ж-" [6: 113]. Для В.И.Чернышева преобладание форм с -ж- очевидно, но при этом он отмечает и колебания типа *возбужу* и *возбужду*, *вознагражу* и *вознагражду*, *побежу* и *побежду*, *убежу* и *убежду*. Показательно, что, по мнению Чернышева, "форма *наслажду* более употребительна, чем *наслажу*" [4: 306]. Как видно из перечня В.И.Чернышева, варианты формы присутствия только тем глаголам, у которых есть соотносительные образования с -жд-: *возбудить* – *возбуждать*, *вознаградить* – *вознаграждать*, *победить* – *побеждать*, *убедить* – *убеждать*. Вопреки В.И.Чернышеву, С.П.Обнорский в "Очерках по морфологии русского глагола", вышедших в 1953 г., считает возможным констатировать: "Единой нормой для всей подходящей группы глаголов... должны признаваться русские формы с -ж-" [6: 113]. В грамматических справочниках и нормативно стилистических трудах последних лет вариант -жд- в 1-м лице ед.ч. полностью исключается.

Таким образом, получить простой и вполне четкий ответ на вопрос, как правильно – победу? побежу? побежду? – пожалуй, не удастся. Прослеживая историю бытования "трудных" глаголов в русском языке разного времени, осмысливая реакцию на их формообразование носителей языка и грамматистов, мы убеждаемся, что имеем дело с достаточно запутанным клубком разных зависимостей и факторов. Играет роль семантика глаголов, сфера их преимущественного употребления, частотность использования; имеет значение структура самого глагола, его видовая корреляция и характер производных образований; весьма важным может оказаться фонетическое оформление основы глагола, тип связанных с этой основой исторических чередований. По-

мимо этого, вполне реальна яркая индивидуальная история для отдельных глаголов. Иначе как объяснить, что у глаголов *наградить*, *посадить* легко образуются формы *награжу*, *посажу*, а для глаголов *победить*, *убедить*, также имеющих финаль -дять, простые формы 1-го л.ед. невозможны и нам приходится прибегать к конструкциям вроде "я постараюсь убедить", "я одержу победу". Вопросами грамматической истории отдельных слов или лексических групп занимается грамматическая лексикология, сущность и задачи которой впервые определены учеными Казанской лингвистической школы [9]. А теперь представьте себе, каким ограниченным был бы наш взгляд на эти интереснейшие образования, если бы нам не удалось построить некую ретроспективу их жизни в русском языке.

Глубокое, объемное видение сложнейшей системы взаимосвязанных явлений, процессов, тенденций, то есть того, что мы можем назвать современным русским языком, невозможно без знания исторических корней, основных этапов эволюции грамматического строя русского языка. Напомнить об этом мы считаем необходимым сейчас, когда абсолютно непродуманно, безответственно сокращается количество часов, отводимых в педагогических университетах на важнейший курс исторической фонетики и грамматики, формирующий диалектическое мышление и лингвистическую компетентность будущих учителей-словесников.

*****

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.2.
2. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 10 т.: Труды по филологии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т.7.
3. Востоков А.Х. Русская грамматика. – Изд.12 – СПб., 1874.
4. Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики. Части речи. – Петроград, 1915.
5. Грамматическая правильность русской речи / Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М.: Наука, 1976.
6. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.
7. Еселевич И.Э. Побежу? Победу? Побежду? // Еселевич И.Э. Проблемы функционирования языковых единиц: исторический аспект. – Ижевск, 2005.

8. Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1964.   Очерки грамматики и лексикологии русского языка. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1977.
9. Марков В.М. Проблемы грамматической лексикологии и русский литературный язык XVIII в. //

HISTORICAL APPROACH AS THE PRINCIPLE OF TEACHING MODERN RUSSIAN AND ITS ROLE IN FORMING LINGUISTIC COMPETENCE OF PHILOLOGICAL STUDENTS

T.P.Zaikonnikova

The importance of historical approach in studying system and non-system phenomena of Russian is discussed in the article. By analyzing the examples of morphological paradoxes, which are difficult for interpretation, the author emphasizes the necessity of profound system-defined knowledge of history of the language which is the basis for the linguistic competence of future teachers of Russian.

Key words: linguistic competence, historical grammar of modern Russian, morphology

* * * * *

Заиконникова Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета русской филологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

E-mail: confix@mail.ru